

IF и органические интеллектуалы

Яна Янпольская
(р. 1977) – историк
философии, переводчик,
специалист по социаль-
ной философии, доцент
кафедры современных
проблем философии Рос-
сийского государствен-
ного гуманитарного
университета.

Духотомная «Сага французских интеллектуалов» (далее – «Сага»)¹ Франсуа Досса вышла в свет в сентябре 2018 года в издательстве «Gallimard», а уже в 2024-м была переиздана в популярной карманной серии того же издательства – «Folio». На книгу Досса критики отреагировали и сочувственно, и многословно: с сентября по ноябрь 2018-го о ней писали «Libération», «Figaro», «Figaro littéraire», «Marianne», журналы «Philosophie», «Nouveau Magazine littéraire» и многие другие. Книга была номинирована на премии «Femina» и «Revue des Deux Mondes», став одним из ключевых издательских событий накануне политического кризиса во Франции, а потом и пандемии COVID-19. Эти события еще более подогрели общественный интерес к фигуре французского интеллектуала и его истории: в марте 2019-го президент Макрон даже предпринял попытку реанимировать «брак власти и интеллектуала», призвав нынешних представителей вида IF (*intellectuel français*) на Большие национальные дебаты, посвященные поиску «нового будущего для страны» и выхода из локального и глобального кризисов.

До выхода «Саги» Франсуа Досс был известен во Франции исследованием «Истории структурализма»², а российскому чита-

1 DOSSE F. *La Saga des intellectuels français*. Paris: Gallimard, 2018.

2 IDEM. *Histoire du structuralisme. Tome I: Le champ du signe, 1945–1966*. Paris: La Découverte, 1991; IDEM. *Histoire du structuralisme. Tome II: Le chant du cygne, 1967 à nos jours*. Paris: La Découverte, 1992.

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

телю он знаком интеллектуальной биографией Делёза и Гваттари³, вышедшей в 2021 на русском языке. Интеллектуальная биография самого Досса выглядит связующим звеном между эпохой «большого стиля» и нынешним кризисом: он последователь Поля Рикёра и научный наставник Эммануэля Макрона. Многостраничной «Саге», объединившей его публикации многих лет, предшествовала книга «Философ и Президент. Рикёр и Макрон»⁴.

«Сага французских интеллектуалов» насчитывает более 1300 страниц, разделена на два тома в соответствии с охватываемыми периодами: 1944–1968 и 1968–1989. Каждый из томов в свою очередь содержит части с говорящими заголовками: историк в деталях прослеживает все критические плоскости 45-летней жизни уникального явления IF – от послевоенной новой надежды на смысл истории через противостояние «холодной войны» к Золотому веку критической эпохи с ее кратким обретением нейтралитета, и далее: к неоднозначному поражению 1968-го, падению Берлинской стены и вплоть до распавшегося на фрагменты будущего, осколки которого мы с интересом собираем сегодня. При этом Досс – еще и бдительный эпистемолог: концептуальные и методологические повороты истории интеллектуала прописываются им доступно, но пунктуально и почти без компромисса с «неспециалистом». Тем самым автору «Саги» удалось пройти между Сциллой и Харибдой интеллектуальной истории: истории идей обыкновенно скучно и с трудом читаются и не похожи на истории порождающих их людей, в то время как истории людей часто банализируют и психологизируют процессы, источники их знания и процессы понимания. Опыт работы над биографиями философов и интеллектуалов Поля Рикёра, Мишеля де Серто, Корнелиуса Касториадиса, Жилья Делёза и Феликса Гваттари научил автора сложному синтезу. «Сага» легко и с интересом читается, несмотря на объем, и при этом не скатывается к объяснению жизненных приключений идейными обоснованиями, а жизни идей – конкретными «биографическими обстоятельствами».

Кто-то из критиков воспринял название книги «Сага» всерьез. «И вот они все перед нами – настоящие герои саги – Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Раймон Арон, Франсуа Мориак, Клод Леви-Стросс и многие другие», – пишет обозреватель журнала «Télérama»⁵. Другие справедливо отмечают, что о *saga* здесь не стоит говорить: Досс не прослеживает связь поколений, а сами интеллектуалы все же не образуют ни семейства, ни субэтноса,

3 Досс Ф. *Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография*. М.: Дело, 2021; Dosse F. *Gilles Deleuze, Félix Guattari: biographie croisée*. Paris: La Découverte, 2009.

4 ИДЕМ. *Le Philosophe et le Président. Ricouer & Macron*. Paris: Stock, 2017.

5 HEURÉ G. *La Saga des intellectuels français 1944–1989*. François Dosse // *Télérama*. 2018. 8–14 septembre.

их даже с трудом удается определить как отдельную социальную группу или сообщество. Есть ощущение, что «сага» в названии звучит и ностальгически, и иронически: век IF одно- временно и длинен, и короток, а его границы ясно обозначены: 1944–1989, пусть даже исторически понятие «интеллектуал» во Франции восходит к делу Дрейфуса (1894), а его угасание начинается в точке наивысшего расцвета – недолгом, но гиперпродуктивном периоде «структурализма» (1952–1975).

Досс не пускается в терминологические и типологические уточнения относительно истории понятия или методологии интеллектуальной историографии. Три типа IF – «профетический / универсальный / послевоенный», «специализированный» и «медиатический», – равно как и «смерть французского интеллектуала», о которой уже более сорока лет рассуждают сами интеллектуалы, все эти теоретические несущие конструкции уточняются и обкатываются по живому: в спорах, петициях, увлечениях, поражениях, безумствах и осознаниях. Подход к описанию этих точек бурления на протяжении всей книги Досса (иногда лоскутной, склеенной, полной повторений и оправданных наложений) узнаваем: он дает развернуться заблуждению, представляет театр ложной убежденности, часто вырастающий из лучших, строгих и критических, побуждений. Выражаясь словами Ролана Барта, Доссу присуща деликатность по отношению к чужому фантазму: он дает распусться всякому порыву своих протагонистов, до последнего стараясь блюсти принцип Андре Жида «Не судите!». Впрочем, и авторских вполне линейных суждений по итогам этого возделывания фантазмов, конечно же, в книге немало, и они вполне категоричны.

Одна из реакций на выход этой книги Досса принадлежит перу одного из героев «Саги» Жаку Жюльяру (1933–2023), она была опубликована в его авторской колонке в газете «Figaro». Реакция поддерживающая и критическая одновременно. Жюльяр – теоретик и общественный деятель – близко знаком с большинством силовых линий «Саги», в том числе в их современном продолжении. На момент выхода книги он был одним из все еще живых IF и уже с начала 1980-х жил своего рода «посмертной жизнью», неустанно осмысливая символический и исторический «конец интеллектуалов». Ключевой фигурой в этих спорах вплоть до недавнего своего ухода оставался Пьер Нора (1931–2025). Уже мифические и легендарные IF – Эдгар Морен (р. 1921) и Режи Дебре (р. 1940) – все еще в строю и реагируют как на повестку дня, так и на разговоры о «могиле интеллектуалов». IF сегодня по-прежнему существует в трех ипостасях: это участники описываемых событий, герои (персонажи) «Саги» и ее читатели, выносящие из верности своему статусу интеллек-

туала суждения о прожитом и прочитанном. Это и в самом деле некое «критическое randevu» (назначенное IF себе самому), как верно характеризует «Сагу» заголовок соответствующей рубрики в той же «Télérama».

ЯНА ЯНПОЛЬСКАЯ
IF И ОРГАНИЧЕСКИЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Жак Жюльяр делится по прочтении «Саги» своими размышлениями, которые вкратце можно резюмировать в трех тезисах. Первое: то, что нас восхищает с истории IF – слияние писательства и учености с активной политической и гражданской позицией, – скорее признак недуга; в нормальной ситуации, вторит Жюльяр Токвиллю, на месте «интеллектуала»-писателя стоит лидер политической партии. Второе: у интеллектуала есть свои приемчики, тропы, и их можно выявить и перечислить, в том числе и присматриваясь к персонажам Досса. Прежде всего это создание иллюзии полиса, народа, к которым интеллектуал имеет преимущественный доступ в противовес каким-либо механизмам представительной демократии. В этом смысле функция интеллектуала в просвещенной Франции, замечает Жюльяр, ничем не лучше миссии интеллигенции в царской России. Кроме того, интеллектуал всегда паразитирует на провозглашаемой «уникальности момента», возгоняемой им искусственно. Это своеобразный популистский «гапакс»: мы должны действовать именно сейчас, уж завтра будет поздно. Безудержный эвентментализм делает интеллектуалов жертвами «демона активизма» (как говорил Корнелиус Касториадис): они объединяются в банды и «идут на охоту сообща». Отсюда третий тезис Жюльяра: интеллектуал должен быть одиноким. «Охота сообща» подменяет критический разум мракобесием и коллективным помутнением. (Эта позиция отчетливо напоминает призыв Жюльена Бенды в его «Предательстве интеллектуалов» (1927), чей антиактивизм стремительно теряет свою старомодность.) Общий диагноз Жюльяра звучит неутешительно: французские интеллектуалы никогда не были демократами. За некоторыми исключениями – Альбер Камю, Раймон Арон, Рене Шар, – они впадали в левый или в правый «бандитизм». Либеральная линия ущербна и не столь ярка, как линия заблуждений.

**Интеллектуал должен быть одиноким.
«Охота сообща» подменяет критический разум
мракобесием и коллективным помутнением.**

И все же даже перечисленных примеров «неподдавшихся» или же «вовремя спохватившихся» немало как в референсах Жюльяра, так и в книге Досса. Ключевой акцент автора «Саги» вовсе не в том, чтобы выстроить перед чистой историей в ряд

всех ИФ и устроить им смотр на предмет морального соответствия (еще один излюбленный интеллектуальный приемчик, замечает Жюльяр). Исходная интуиция Досса: сколько бы ни было скандалов, расколов, разбирательств и соблазнов в жизни ИФ, это не делает интеллектуалами нынешних «развлекателей», драчунов и провокаторов, пусть они и кажутся нам чем-то вроде «французских интеллектуалов». К числу последних автор относит как «новых философов», так и Мишеля Онфрея, к примеру. Будущность просрочена, будущее разломано, общества более не намечается – можно обобщить вслед за Доссом. Но и с осколками большого зеркала в руках можно заметить, что не только аниматоры и провокаторы способны «иметь влияние»: нечто, что можно назвать *автономией интеллектуала*, не вполне растворяется в приключениях его «ложных путей».

В предлагаемом далее фрагменте пятой главы первой части первого тома «Саги» рассматривается период с 1947-го по 1953 год, который стал эпохой предельной активизации Французской коммунистической партии (ФКП), мобилизующей ученых, художников, писателей и философов, для выравнивания своего курса и подтверждения верности на деле, которую французские коммунисты пытались соблюсти по отношению к Москве, указаниям и линии ЦК КПСС. Верность давалась им ценой здравого смысла, отказа от научности, эстетических интуиций и личных убеждений, о чем свидетельствуют многие трагикомические эпизоды, щедро и бодро описываемые Доссом. Публикуемая часть главы «Идеологические битвы коммунистов» повествует о двух сложно исполнимых линиях партии: развитии соцреалистического канона и построении антибуржуазной науки. Французские коммунистические интеллектуалы – их автор «Саги» иронично называет «органическими» в том смысле, что своим статусом интеллектуалов они чаще всего были обязаны целиком и полностью партийным органам (хотя у Антонио Грамши, введшего понятие «органический интеллектуал», подразумевалось несколько иное значение), – становятся боевыми машинами «холодной войны», вдохновляясь и непосредственно руководствуясь эпизодами типа уроков коммунистической музыки, преподанных Ждановым Прокофьеву и Шостаковичу.

Мы видим, как ждановизация и лысенковщина становятся символами веры ФКП. Она иницирует теоретические чистки в физике и химии: в буржуазности обвиняются идеалистическая интерпретация второго закона термодинамики, индетерминизм квантовой теории, теория резонанса и мезомерии. В сфере эстетики – также непаханое поле работы. О глубоко неочевидной сути соцреалистического канона можно судить по анекдотическому эпизоду с портретом Сталина, сделанным Пикассо по просьбе Арагона и едва не доведшим последнего до

самоубийства. Что касается насильственной рецепции методов «блестящего академика Лысенко», то она и вовсе обернулась в высшей степени трогательным «подвигом веры»: не в силах признать, что советская наука может столь сильно заблуждаться, биолог и верный коммунист Марсель Пренан (1893–1983) едет в Москву, надеясь при личной встрече развеять ненаучные теории великого Лысенко и тем самым помочь советским исследованиям. Вполне кафкианское путешествие дарит биологу гротескный прием у шарлатана, свысока наставляющего его в азах зерноводства, а по возвращении на родину – преследования со стороны однопартийцев за подрыв «вернализации».

ЯНА ЯНПОЛЬСКАЯ
IF И ОРГАНИЧЕСКИЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Сколько бы ни было скандалов, расколов, разбирательств и соблазнов в жизни IF, это не делает интеллектуалами нынешних «развлекателей», драчунов и провокаторов, пусть они и кажутся нам чем-то вроде «французских интеллектуалов».

И Жданов, и Сталин после своего ухода еще очень долго остаются для «органических» и сочувствующих им интеллектуалов светилами без пятен: Луи Арагон произносит пламенную речь «у могилы» Жданова и чуть не уходит из жизни, когда осознает, что не вполне «соцреалистично» попрощался на страницах вверенного ему издания со Сталиным. Даже решения XX съезда партии вкупе с разоблачением культа личности Сталина будут восприняты рядами верных как дезинформация и результат эффективности американской пропаганды: сигналы ЦК КПСС о конце сталинской эпохи еще долго будут игнорироваться во Франции (в то время как в Германии, напротив, они были более чем хорошо услышаны и сразу стали поворотным моментом). И лишь после подавления восстания в Будапеште в 1956 году очень медленно и постепенно фигуранты этой главы решаются начать «обретать новое зрение». Часто вместе с их партбилетами, как можно узнать из дальнейшего повествования Досса, в мусорку полетят и ростки, которые многие из них годами возвращали по лысенковскому методу, веря в его действенность и научность.

Интеллектуалы, особенно так называемая «творческая интеллигенция», в глазах ФКП всегда сохраняли статус подозрительных, руководство не доверяли даже преданным партийцам типа Арагона. Одними из первых из партии будут исключены Эдгар Морен и Маргерит Дюрас: недоумение по поводу доктрины Жданова стоило им места в «коммунистической семье». Чуть позже с громким скандалом выйдет из идеологической

борьбы и Анри Лефевр. Спустя годы как Луи Арагон, так и Жан-Поль Сартр будут дистанцированно описывать в биографической и мемуарной прозе периоды своей вовлеченности в «безумные кампании “холодной войны”». Активные фигуранты описываемых событий – весьма яркие фигуры – Лоран Казанова, Жан Канапа, Виктор Ледюк, Анни Кригель, классические «органические интеллектуалы» Пьер Декс и Андре Стил. К концу 1956 года именно Ледюк, исполнитель чисток в рядах научных теорий, возглавит в рамках ФКП фронду несогласных. 1960-е, как покажет дальнейшее развитие «Саги» Франсуа Досса, ознаменуются кратким отдыхом от идеологических схваток «холодной войны»: нейтралитет и ангажированность сойдутся в новом «парадоксе Политического».

На русском языке издание «Саги французских интеллектуалов» готовится к выходу в издательстве «Новое литературное обозрение».